

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ СРЕДЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Вопрос о формах семейных и общественных отношений в древней восточнославянской среде в период, предшествовавший образованию Древнерусского государства, не перестает привлекать к себе внимание. До сих пор историки дискутируют о том, что следует понимать под древнерусскими терминами «род», «вервь», «мир», какое место в древней общественной структуре занимала большая патриархальная семья, когда возникла у восточных славян территориальная община, какими путями складывалось классовое общество. Решение вопроса в общей форме, бывшее серьезным завоеванием советской историографии конца 20—30-х годов, уже не удовлетворяет исследователей; изучение же конкретных явлений общественного процесса упирается в отсутствие полноценного фактического материала. Как известно, основным источником, освещающим семейные и общественные порядки в период, предшествовавший возникновению Древнерусского государства, являются отрывочные сообщения византийских авторов, легендарные сведения, почерпнутые из первых страниц «Повести временных лет», или не менее туманные и часто противоречивые данные, извлеченные из «Русской Правды». Историки пытаются прочитать их ретроспективно, стремясь выделить в социальной картине XI—XII вв. элементы предшествовавшего времени. Для расшифровки некоторых явлений привлекается иногда этнографический материал — южнославянский, северорусский или даже неславянский.

Вопрос о древних формах восточнославянских семейных и общественных порядков на основании археологических данных серьезно еще никем не ставился, если не считать рассмотрения с этой точки зрения некоторых памятников IX—X вв., относящихся к рубежу и началу уже древнерусского времени. Речь идет о киевских и черниговских некрополях и знаменитом Гнездовском могильнике, убедительно свидетельствующих о выделении в древнерусском обществе дружинной верхушки, а также об отдельных городищах. Исследователи Новотроицкого городища на р. Псле И. И. Ляпушкин и городища Титчиха в Верхнем Подонье А. Н. Москаленко показали, что в IX—X вв. даже на отдаленных восточных и юго-восточных окраинах Древней Руси сельское население составляло территориальные общины, в рамках которых основными хозяйственными единицами являлись малые семьи¹. Семейные и общественные порядки уже приобрели тогда все основные черты, свойственные последующим векам древнерусского средневековья. О попытках И. И. Ляпушкина² оспаривать представления П. П. Ефименко и автора этой статьи о переживании большесемейного уклада, основанные на наблюдениях за материалами из раскопок

¹ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 224—226; А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 163—166.

² И. И. Ляпушкин. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. КСИИМК, 68, 1957.

в Верхнем Подонье на Большом Боршевском городище VIII—X вв., речь будет идти в конце этой статьи.

Картину территориальной общины, состоявшей из малых хозяйственно обособившихся семей, рисуют, по-видимому, исследования и других восточнославянских поселений последних столетий I тысячелетия н. э., в частности правобережных — Каневского поселения на Днепре³, селища Хотомель на р. Горыни, селища у с. Бабка на р. Стыри и некоторых других. В Хотомле и Бабке картина поселения усложнялась наличием городищ-убежищ, за стенами которых население укрывалось в часы опасности. На этих городищах не обнаружено остатков прочных жилищ и других следов постоянного обитания, что исключает возможность рассматривать их как замчища — места обитания нарождавшейся знати. Это были общинные убежища-крепости⁴.

Реконструкция общественных отношений на основании восточнославянских археологических данных более раннего периода — третьей четверти и первой половины I тысячелетия н. э. — в принципе также представляется задачей вполне достижимой. Такие черты материальной культуры, как жилища, их размеры, хозяйственные постройки, планировка поселения в целом, как правило, достаточно отчетливо, хотя и не исчерпывающе, отражают характер семейных и общественных порядков. Нередко ценные наблюдения позволяют сделать погребальные памятники, особенно если они рассматриваются в связи с остатками поселений и жилищ, принадлежавших тем же людям. Следует только иметь в виду, что погребальная обрядность отражала зачастую не существовавшие реально общественные порядки, а их вчерашний день. Поэтому здесь следует предусматривать необходимость внесения некоторых хронологических поправок.

Однако для реконструкции семейных и общественных отношений по археологическим остаткам последние должны подвергаться, как правило, исследованиям значительного масштаба. Если бы упомянутое выше Новотроицкое городище не было раскопано полностью, мы не имели бы той яркой и убедительной картины общественной жизни VIII—IX вв., какую смог нарисовать его исследователь И. И. Ляпушкин. Применительно к восточнославянским древностям третьей четверти I тысячелетия н. э. и более раннего времени исследования подобного размаха, к сожалению, почти не производились; они лишь начали осуществляться. Остатки поселений и могильники раннего периода, исследованные целиком или на большей их части, насчитываются пока что единицами. В настоящей статье обобщаются первые наблюдения над изменением характера поселений и жилищ, а следовательно, и семейных, и общественных отношений в восточнославянской среде на протяжении I тысячелетия н. э.

При этом автор исходит из тех представлений о восточнославянских древностях, которые у него сложились в ходе более чем 35-летних археологических исследований в Поднепровье и которые разделяются многими советскими археологами-славистами. В соответствии с этими представлениями в качестве древнейших известных ныне остатков славянской культуры в пределах Европейской части СССР рассматриваются зарубинецкие поселения и могильники последних веков до нашей эры и начала нашей эры, распространенные на широких пространствах припятского Полесья и Среднего Поднепровья. В первой четверти I тысячелетия н. э. многочисленные зарубинецкие племена значительно продвинули область своего обитания в северном и северо-восточном направлениях. Освободив южные части своей первоначальной территории, по-видимому, в связи с активизацией кочевников-сарматов, они утвердились на берегах Днепра и его притоков от параллели Киева на юге и до Могилева на севере, а на

³ Г. Г. Мезенцева. Канівське поселення полян. Київ, 1965.

⁴ Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1—57. М., 1961, стр. 22—27; 34—37.

востоке — в поречье Нижней, Средней и отчасти Верхней Десны. В III—IV вв. их южными соседями являлись племена черняховской культуры, этническая атрибуция которых до сих пор вызывает среди археологов горячие споры. После крушения черняховской оседлости под ударами гуннов и отхода ее носителей в западном направлении потомки зарубинецкого населения — раннеславянские племена начали движение к югу. Они заняли обширные пространства в днепровском лесостепном Левобережье — по Суле, Пслу и верховьям Северского Донца. По Днепру они спустились до Надпорожья, заняли бассейн верхнего и среднего течения Южного Буга и поречье Днестра. Отсюда они проникли за Прут и вышли на Нижний Дунай. Развитие культуры, начиная от зарубинецкого периода и кончая третьей четвертью I тысячелетия н.э. и древнерусским временем, протекало у этих племен строго преемственно. Многие элементы культуры, сложившиеся в зарубинецкой среде, дожили до средневековья⁵. Эволюция семейных и общественных порядков, отдельные черты которой рассматриваются в настоящей статье, отнюдь не противоречат данной точке зрения.

Поселения зарубинецкой культуры, известные в Поднепровье и припятском Полесье более чем в 300 пунктах, исследованы еще далеко не достаточно. Имеющиеся материалы позволяют обрисовать область их распространения на различных этапах и определить направления и пути расселения зарубинецких племен. Менее определенно намечаются локальные особенности культуры в отдельных местностях, бывшие результатом различных причин, прежде всего расселения и возникновения контактов с остатками местного населения или различными соседями. Накапливается убедительный материал для характеристики хозяйства и материальной культуры в целом. В частности, одерживает победу оценка зарубинецкого хозяйства как преимущественно земледельческого, знакомого с обширным ассортиментом зерновых культур и пахотными орудиями⁶, а не преимущественно скотоводческого, на чем еще недавно настаивали некоторые исследователи⁷.

Наряду с этим имеется все еще крайне мало сведений о характере семейных и общественных отношений, особенно если принять во внимание некоторые факты, свидетельствующие об их неустойчивости, с тем, что зарубинецкое время было периодом существенных перемен в формах общности. Зарубинецкие поселения в разных областях и в разное время были неодинаковыми, имели различный характер и размеры. Также неодинаковыми по устройству и размерам были жилища, свыше 100 остатков которых исследованы.

Попробуем разобраться в этой достаточно пестрой картине и определить, что здесь являлось закономерным, отражавшим основную модель общественного процесса, а что было следствием особых условий жизни. Начнем с характера поселений.

В западной и центральной областях зарубинецкой территории, в стороне от Днепра, в продолжение всего зарубинецкого времени господствовали сравнительно небольшие поселения, расположенные низко у воды и лишенные каких-либо оборонительных сооружений. Таковы многочисленные поселения, известные в бассейне Припяти. Такой же характер имеют зарубинецкие поселения первых веков нашей эры, найденные недавно П. И. Хавлюком в верхнем течении Южного Буга⁸.

⁵ П. П. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; его же. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1968, 4; его же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 52—60.

⁶ С. П. Пачкова, З. В. Янушевич. Землеробство племен зарубинецкой культуры. СРС, стр. 3—13.

⁷ Е. В. Максимов. Землеробство і скотарство на Середньому Придніпров'ї на рубежі нової ери. Український історичний журнал, 1969, 8, стр. 96—101.

⁸ П. И. Хавлюк. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі. «Археологія», 1971, 4, стр. 84—95.

В Среднем Поднепровье картина была иной. Раннее зарубинецкое время характеризуется здесь преобладанием поселений, расположенных на отрогах высоких коренных берегов. Так же расположены и связанные с ними могильники. Речь тут идет не только о зарубинецких древностях, тянущихся непрерывной цепочкой вдоль края высокого правого берега Днепра, но и о поселениях, находящихся на коренных берегах в низовьях днепровских притоков, прежде всего р. Роси, где расположены такие зарубинецкие поселения-городища, как Межирич и Сахновка⁹. Многие из днепровских поселений имели и другую особенность — сравнительно большие размеры. Примером может служить известное поселение на Пилипенковой горе вблизи г. Канева, исследуемое в последнее время Е. В. Максимовым. По его соображениям, в этом пункте располагалось до 150 жилищ и, таким образом, проживало несколько сот человек¹⁰. Исследования последних лет опровергли распространенное ранее мнение, что расположенные на высоких берегах приднепровские зарубинецкие поселения якобы не имели оборонительных сооружений¹¹. Раскопки Е. В. Максимова на Пилипенковой горе и другом поселении — Бабиной горе показали, что поселения были защищены системой валов, рвов и эскарпов, являлись характерными городищами, хотя и не настолько укрепленными, как это было в скифское время или в древнерусский период¹².

В позднее зарубинецкое время, на рубеже и в первые века нашей эры, в Среднем Поднепровье имелись, по-видимому, лишь неукрепленные поселения. Они расположены на невысоких террасах и на всхолмлениях в пойме в низовьях Ирпenea, Тетерева, Почайны и в других пунктах. Размер поселений сравнительно небольшой. Исключение составляет поселение в устье р. Ирпень вблизи с. Лютеж, площадь которого превышала 15 000 м². Но это было не рядовое поселение, а место выплавки железа кричным способом, эксплуатируемое, вероятно, свыше столетия. На Лютежском поселении были открыты остатки лишь трех жилищ, причем одно из них было очень маленьким и нехарактерным по конструкции. Очевидно, древние металлурги жили здесь непостоянно¹³. Все другие позднезарубинецкие селища имели площадь меньшую в 3—4 раза.

Сходная картина наблюдается в северных и северо-восточных областях, куда зарубинецкое население начало проникать, по-видимому, с I в. до н. э. На ряде городищ, сооруженных местными племенами, имеются верхние слои, относящиеся к первым векам обитания здесь пришлого зарубинецкого населения. Таковы известное Чаплинское городище на Днeпpe, где древний милоградский слой перекрывается зарубинецким культурным слоем, восходящим к началу I в. до н. э., а может быть, и к более раннему времени¹⁴. Такую же картину выявили исследования на втором Моховском городище, также расположенном на правом берегу Днeпpa в нескольких десятках километров ниже предыдущего городища¹⁵. Следы обитания в зарубинецкое время имеются на Горошковском и Милоградском городищах и в других пунктах южной части Белорусского Поднепровья¹⁶. Позднезарубинецкие древности в этих местах представлены открытыми поселениями. Одно из них, из числа наиболее северных и наибо-

⁹ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, Д1—19. М., 1964, стр. 62.

¹⁰ Е. В. Максимов. Зарубинецкие городища Пилипенкова гора. «Археология», 1971, 4, стр. 41—56.

¹¹ Ю. В. Кухаренко. Ук. соч., стр. 11.

¹² Е. В. Максимов. Раскопки зарубинецких городищ близ Канева. АО — 1971. М., 1972, стр. 358—359.

¹³ В. И. Бидзилья и С. П. Пачкова. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. МИА, 160, 1969, стр. 51—74.

¹⁴ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, 70, 1959, стр. 119—153; Л. Д. Поголь. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, стр. 9—49.

¹⁵ П. Н. Третьяков. Моховское второе городище. КСИА, 81, 1960.

¹⁶ О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культуры. СА, 1963, 1.

лее поздних, находящееся в урочище Обидня (Абидня), недалеко от Нового Быхова Могилевской обл., вместе с относящимся к нему могильником было исследовано Л. Д. Поболем¹⁷.

На северо-востоке от Среднего Поднепровья в бассейне Среднего и Верхнего Подесенья, где известны только позднезарубинецкие памятники, почти во всех случаях они представлены неукрепленными поселениями, расположенными на невысоких местах, нередко на дюнных всхолмлениях в пределах поймы. Так располагается, в частности, известное Почепское селище, исследованное Ф. М. Заверняевым в среднем течении правого притока Десны — р. Судости¹⁸. Лишь на отдельных деснинских городищах, принадлежавших к древностям юхновской культуры I тысячелетия до н. э., имеются незначительные следы поселений зарубинецкой культуры, по-видимому, рубежа нашей эры, т. е. времени появления первых зарубинецких поселенцев на берегах Десны. К ним относится верхний слой Полужского городища, исследованного А. К. Амброзом¹⁹. Нами было обследовано городище у дер. Высокое на левом берегу Десны в Брянской обл., откуда в Брянский областной музей от местных школьников поступила часть глиняной реберчатой зарубинецкой миски, найденной в самом верху культурного слоя, у поверхности. Основной слой городища относится к юхновской культуре; выраженного зарубинецкого слоя на городище не обнаружено²⁰.

В итоге создается впечатление, что основной моделью зарубинецкого поселения являлся небольшой поселок, расположенный на краю невысокого берега или на всхолмлении в пойме, недалеко от воды. Что касается поселений-городищ, то они появлялись у зарубинецких племен лишь в специфических условиях, отражая не закономерный процесс, а конкретные особенности жизни. Первоначально, основываясь на мнении Ю. В. Кухаренко о движении зарубинецких племен в междуречье Днестра и Днепра с запада на восток, я считал, что укрепленные поселения в зарубинецкой среде во всех случаях появлялись лишь во вновь занятых ими областях, где на первых порах неизбежно должна была складываться соответствующая обстановка. Очевидно, это предположение сохраняется в силе применительно к северным и северо-восточным территориям, принадлежавшим до зарубинецкого расселения милоградским и юхновским племенам, предположительно балтоязычным. Что же касается зарубинецких поселений-городищ среднеднепровского Правобережья к югу от Киева, то их следует объяснить, по-видимому, иначе.

В последнее время получены убедительные данные о распространении здесь зарубинецкой культуры не в I в. до н. э., как казалось Ю. В. Кухаренко, а в более раннее время — в конце III—II вв. до н. э., т. е. не позже ее появления в более западных областях. Берега Среднего Днепра отнюдь не были областью поздней колонизации, а едва ли не важнейшим центром экономической и исторической жизни зарубинецких племен. Здесь обитало относительно передовое население. Его культура имела не «провинциальный» облик, чем отличается, например, культура Чаплинского городища, находящегося в 240—250 км севернее. Этому способствовало, в частности, то, что обитавшее здесь многочисленное население поддерживало постоянные торговые связи с южными соседями, о чем свидетельствуют находки на городищах предметов южного импорта, в частности обломков косских и других позднеэллинистических амфор, древнейшие из которых

¹⁷ Л. Д. Поболь. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. ДБ. Минск, 1966, стр. 205—216; его же. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. ДБ. Минск, 1969, стр. 96—97, 103—108.

¹⁸ Ф. М. Заверняев. Почепское селище. МИА, 160, 1969, стр. 88—118.

¹⁹ А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, стр. 59—60.

²⁰ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 133.

датируются концом III в. до н. э.²¹ Зарубинецкая посуда в свою очередь была обычна в составе керамического комплекса нижнеднепровских «позднекифских» городищ²². Их население являлось посредником между среднеднепровскими зарубинецкими племенами, Причерноморьем и Восточным Средиземноморьем. Как и нижнеднепровские городища, зарубинецкие поселения на Среднем Днепре в беспокойное сарматское время обносились защитными сооружениями — валами и рвами.

Обратимся теперь к планировке зарубинецких поселений — вопросу, который впервые встал в 50-х годах, после раскопок на Чаплинском городище. Несмотря на то, что площадь городища была исследована далеко не полностью, стало очевидным, что расположение жилищ и других построек существенно отличалось там от планировки, скажем, раннесредневековых восточнославянских поселений, где хозяйственные сооружения обычно сопровождали отдельные жилища и планировка свидетельствовала, как указывалось выше, о том, что хозяйственной единицей являлась малая семья.

На Чаплинском городище тесно расположенные жилища занимали одну часть площади, а хозяйственные постройки — ямы для хранения продуктов — другую²³. Тут не видно, чтобы хозяйственные сооружения сопутствовали отдельным жилищам. Создается впечатление, что в этом маленьком поселке, где одновременно функционировало не более 15—20 жилищ, хозяйство велось в какой-то мере сообща. Это впечатление было подтверждено материалами исследований других зарубинецких поселений.

Прежде всего обратимся к поселению, исследованному А. М. Шовкопляс в Киеве на низком берегу Почайны в местности Оболонь (Луг IV). Поселение относится к числу позднезарубинецких; его время — рубеж и первые полтора-два века нашей эры. В итоге семилетних раскопок (1966—1972 гг.) на поселении открыты остатки свыше 30 жилищ и более 500 хозяйственных ям. Причем последние, занимавшие большую площадь, опять-таки не были связаны с отдельными жилыми постройками. Чрезвычайно интересным является наблюдение А. М. Шовкопляс над расположением жилищ. По ее мнению, они были сооружены по окружности²⁴. От такого расположения жилищ веет глубокой архаикой. По-видимому, поселение Оболонь принадлежало общине, ведущей нераздельное хозяйство.

Большие раскопки были произведены на упомянутом выше городище Пилипенкова гора на правом берегу Днепра около Канева. В пределах большего («Восточного») раскопа, охватившего около 1/5 площади поселения, были открыты остатки не менее чем 20 жилищ, причем, по мнению их исследователя Е. В. Максимова, они составляли две группы, в каждой из которых жилища располагались по неправильной, несколько вытянутой окружности, так что внутри окружности оставалось свободное от построек пространство. Таким образом, это большее поселение, расположенное в южной части зарубинецкого ареала, было, по-видимому, местом обитания нескольких общин. Количество исследованных здесь хозяйственных ям достигает 120. Но, судя по плану, в их расположении пока нельзя усмотреть ничего особенно примечательного²⁵.

Последним зарубинецким поселением, где были произведены сколько-нибудь значительные раскопки, является Почелское селенце на Судос-

²¹ Е. В. Максимов. Про датування зарубинецької культури. «Археологія», 1971, 1, стр. 68—77; его же. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора, стр. 55, 56.

²² М. І. Вязьмітін а. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 128—145.

²³ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище...

²⁴ А. М. Шовкопляс. Раскопки на берегу Почайны. АИУ. II, 1967. Киев, 1968, стр. 161—165; ее же. Раскопки поселения зарубинецкой культуры в Киеве. АИУ, III, 1968. Киев, 1971, стр. 212—214; ее же. Раннеславянское поселение в Киеве. АО — 1969. М., 1970, стр. 266—267; ее же. Поселение зарубинецкой культуры в Киеве. АО — 1970. М., 1971, стр. 279—280; ее же. Раскопки на Оболони в Киеве. АО — 1971. М., 1972, стр. 357—358.

²⁵ Е. В. Максимов. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора, стр. 48.

ти, относящиеся к первым векам нашей эры. Раскопанная там площадь составила не более $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ части поселения, и сказать что-либо определенное о его планировке, к сожалению, нельзя. Бросается, однако, в глаза, что и здесь хозяйственные и производственные постройки не сопутствовали отдельным жилищам, находящимся в центральной части поселения, а располагались преимущественно в его восточном конце, где жилища не обнаружены²⁶. И здесь, следовательно, жители поселка не вели индивидуальных хозяйств, а составляли скорее всего общину.

О раннеславянских, в частности зарубинецких, жилищах мне уже приходилось писать. Оказалось, что для раннезарубинецкого времени были характерны жилища различного устройства: наземные столбовой конструкции и углубленные в землю «полуземлянки». Одни из них, прямоугольные в плане, достигали значительных размеров — 25—35 м², другие были квадратными, площадью от 10 до 15 м². В позднезарубинецкое время картина изменилась. Повсюду была распространена стандартная форма жилищ — углубленные в землю квадратные «полуземлянки» размером от 3×3 до 4×4 м, дожившие в славянской среде до средневековья²⁷.

Как известно, большие прямоугольные жилища площадью в несколько десятков квадратных метров были широко распространены в Средней и Восточной Европе в далекой древности. Такими, например, были жилища различных периодов и культур эпохи бронзы и раннего железа, времени, когда основы родового устройства общества еще не были заметно поколеблены. Изменение размеров жилища в зарубинецкое время свидетельствует, очевидно, о начавшемся процессе распада родовой общины. Но последняя в то время еще далеко не утратила своей решающей роли, о чем свидетельствует факт расположения жилищ по окружности и другие черты планировки поселения. Зарубинецкие могильники также могут рассматриваться как пример родовых кладбищ, оставленных обществом без заметной имущественной дифференциации. Они во многом сохраняют черты могильников глубокой древности — эпохи бронзы.

Поселения второй четверти и середины I тысячелетия н. э., принадлежавшие восточным славянским группировкам — непосредственным потомкам зарубинецкого населения, продвинувшимся в это время в северные части Среднего Поднепровья и южные области Верхнего Поднепровья, также исследованы далеко недостаточно. Относительно племен днепровской группы («киевский тип») известно, что их поселения имели примерно тот же характер, что и в позднезарубинецкое время: были небольшими, расположенными по краю невысоких речных террас или на дюнных возвышенностях в пределах пойма. Квадратной формы жилища размером в среднем 4×4 м, углубленные в землю, опять-таки в основных чертах такие же, как в предыдущее позднезарубинецкое время. Никаких данных о планировке поселений не имеется, так как ни одно из них не было исследовано полностью или хотя бы в значительной части²⁸. Результаты изучения древностей второй четверти и середины I тысячелетия н. э. на территории Южной и Юго-Восточной Белоруссии, раскопанных за последние годы Л. Д. Поболем, остаются неопубликованными. Судя по кратким информациям, поселения и здесь были неукрепленными, жилищами служили квадратные «полуземлянки». Рядом с поселениями располагались могильники, свидетельствующие о переживании зарубинецких традиций в погребальном обряде²⁹.

²⁶ Ф. М. Заверняев. Почепское селище, стр. 92 сл.

²⁷ П. Н. Третьяков. Из предыстории славянского жилища. «Archeologia Polski», XVI, 1971, стр. 235—248.

²⁸ В. Н. Даниленко, В. П. Дудкин, В. А. Круц. Археолого-магнитная разведка в Киевской обл. АИУ, I, 1967, стр. 210—214; Р. С. Орлов. Поселение середины I тысячелетия н. э. у с. Казаревичи. АИУ, III, 1971, стр. 227—229.

²⁹ Л. Д. Поболь. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья, стр. 96, 97, 105—108.

Единственными в моем распоряжении сведениями, дающими некоторое представление о семейных и общественных порядках во второй четверти и середине I тысячелетия н. э., являются результаты археологических обследований и раскопок в поречье р. Десны, где начиная с позднезарубинецкого времени лежала восточная окраина славянских племен. Особенно большие исследования остатков поселений не производились и здесь. Тем не менее удалось выяснить кое-какие характерные особенности в расположении и облике поселений, в их планировке и типе жилищ, представляющие немалый интерес для определения некоторых черт общественной структуры.

Прежде всего в указанный период в Подесенье были распространены главным образом совсем маленькие поселения. Они составляли группы по 5—10 поселений, отстоявших друг от друга на 0,5—1,5 км. Зачастую между поселениями, входящими в группу, имелась зрительная связь. Такая группировка обнаружена в ряде мест: к северу от г. Брянска в районе с. Хотылева, выше г. Новгорода Северского в низовьях р. Смячь, ниже указанного города около устья деснинского притока — р. Малотечки и в других местах. Одна группа поселений от другой отделялась расстоянием от 5 до 15 км и более.

В каждом маленьком поселении было 5—7 жилищ — «полуземлянок» обычных форм и размера, расположенных компактной группой на близком расстоянии, иногда вплотную друг к другу. В других частях поселения размещались хозяйственные ямы, какие-то навесы на столбах и др. Такой маленький поселочек составлял, несомненно, единый хозяйственный комплекс, единый хозяйственный «двор». Такое поселение принадлежало, очевидно, не родовой общине, а значительно меньшему коллективу. В качестве примера можно указать на селище в Лавриковом лесу около с. Дехтеревка на р. Малотечке, входившее в группу, состоявшую не менее чем из пяти поселений IV—V вв. н. э. В Лавриковом лесу в пределах одного из маленьких поселений была раскопана тесная группа из пяти жилищ — «полуземлянок». Непосредственно рядом с ними находились остатки еще двух-трех жилищ, оказавшихся под дорогой и оставшихся нераскопанными. На соседнем участке обнаружена группа хозяйственных ям. В одной из жилых землянок была найдена железная фибула IV в. н. э.

В некоторых местах такие поселения-«дворы» территориально соприкасались, образуя более крупное поселение. Примером является верхнедеснинское селище Смольянь начала третьей четверти I тысячелетия н. э., где была исследована группа из пяти жилищ и участки, занятые хозяйственными постройками. Под лесом осталось большое неисследованное пространство, пригодное для размещения еще одного-двух таких «дворов».

Что же представляли собой деснинские поселочки-«дворы» и их группы? Вероятнее всего, в группах поселков следует видеть не что иное, как села того времени, принадлежавшие территориальным общинам, состоявшим из «дворов» больших патриархальных семей, насчитывающих по 20—30 человек, взрослых и детей.

Я не знаю была ли присуща такая структура поселений всем другим частям восточнославянского мира того времени или она была спецификой Подесенья. По-видимому, в других местах, скажем, в Белорусском Поднепровье, основной формой поселений в середине I тысячелетия н. э. и позднее были не «разбросанные», как на Десне, а большие компактные поселения, принадлежавшие территориальным общинам. Составлявшие их патриархальные семьи находились на разных ступенях распада, зашедшего, вероятно, значительно дальше, чем на восточной окраине в деснинских «дворах». Но кое-где сохранялись, по-видимому, и «разбросанные» села. Они отмечены в ряде случаев на юге (в Среднем Поднепровье, в верхнем и среднем течении Южного Буга и в Поднепровье), куда огромные массы восточнославянского населения продвинулись после середины I тысячелетия н. э.

По данным украинских археологов, такие группы маленьких поселений VI—VII вв. намечаются на Днестре при устье Тясмина и в Надпорожье³⁰. Здесь приходится ограничиться словом «намечаются», так как исследования раннеславянских древностей производились в этих местах впервые, когда не были решены вопросы хронологии, и поэтому не всегда было возможно отделить синхронные поселения от разновременных. Кроме того, исследования проводились здесь в обстановке некоторой спешки, так как эти места затапливались водами днепровских водохранилищ. В более благоприятных условиях изучаются раннеславянские поселения в верхнем и среднем течении Южного Буга, в бассейне Днестра и в Заднепровье, на территории Молдавии. Более 320 раннеславянских поселений VI—VII вв. найдены в этих областях за последние годы. Наряду с остатками больших поселений, состоявших из нескольких десятков жилищ, имеется немало маленьких поселочков, расположенных близко один к другому. Как будто бы большинство из них принадлежит к древнейшей группе.

Интересные в этом отношении наблюдения сделаны в Молдавии, где расположение маленьких поселков «гнездами» рассматривается как характерная особенность. По словам И. А. Рафаловича, «поселения, образующие такое гнездо, обычно расположены кучно в радиусе 5—7 км от условного центра»³¹. Расстояние между поселениями, входящими в гнездо, измеряется нередко сотнями метров.

В раннеславянских древностях территории Молдавии отмечена и другая архаичная черта — расположение жилищ в пределах поселения компактной группой. Расстояние между жилищами, входившими в группу, составляло от 0,5—0,6 до 5—8 м³². По мнению Г. Б. Федорова и М. Я. Сальмановича, такая планировка была особенно характерна для районов, расположенных на границах со степью, и была якобы связана с постоянной военной опасностью и необходимостью создания круговой обороны³³. Думаю, что главную роль в планировке поселений сыграли старые традиции семейного и общественного устройства, а военная опасность могла лишь способствовать их переживанию.

Хотелось бы думать, что на территорию Молдавии, в междуречье Днестра и Прута, в VI—VII вв. продвинулись славянские группировки не только с севера — из Верхнего Поднепровья и бассейна Верхней Припяти, но и с северо-востока — из Верхнего Поднепровья и даже бассейна Десны. Именно последним, как указывалось выше, были особенно свойственны маленькие поселения, составлявшие группы, а в пределах поселений — компактно расположенные жилища-землянки. О северо-восточном происхождении какой-то части раннеславянских группировок, расселившихся между Днестром и Прутом, свидетельствуют обнаруженные в некоторых пунктах жилища-землянки с центральным опорным столбом, особенно характерные для Подесенья, но встречающиеся иногда и в Поднепровье³⁴. Об этом же говорят формы глиняной посуды, свойственные раннему славянскому керамическому комплексу на территории Молдавии. Речь идет о биконических формах с закругленным или четко выраженным ребром, развившихся в южных частях Верхнего Поднепровья и

³⁰ Д. Т. Березовец. Поселения улечей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 197 и др.; М. П. Кучера, В. С. Драчук. Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища ДнепроДзержинской ГЭС. КСИА АН УССР, 12, 1962, стр. 102.

³¹ И. А. Рафалович. Материальная культура славян VI—IX вв. в Молдавии. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, стр. 71—73.

³² И. А. Рафалович. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, стр. 47—59.

³³ Г. Б. Федоров, М. Я. Сальманович. Этническая и культурная история населения юго-запада СССР от начала железного века до XIX столетия. М., 1964, стр. 8.

³⁴ И. А. Рафалович. Материальная культура..., стр. 75; П. Н. Третьяков. Из предистории славянского жилища, стр. 244—247.

Подселение во второй четверти I тысячелетия н. э. на основе зарубинецких традиций, а позднее характеризующих пеньковский раннеславянский керамический комплекс³⁵.

В третьей четверти I тысячелетия н. э. в большинстве восточнославянских земель архаичные формы планировки поселений и жилищ сменялись новыми, свидетельствующими, что основной хозяйственной единицей, возникшей в результате распада больших патриархальных семей-общин, становится малая семья. Жилища малых семей располагаются отдельно одно от другого, нередко образуя ряды. Размеры поселений увеличиваются. Территориальная община складывается теперь уже не из больших патриархальных семей, а преимущественно из малых индивидуальных хозяйств.

Исследованные поселения третьей четверти I тысячелетия н. э. в большинстве случаев рисуют именно такую картину, особенно поселения послеаварского времени. Таковы поселения «культуры Корчак» на Житомирщине, исследованные И. П. Русановой. Жилища разбросаны по площади поселений в отдалении одно от другого (12—15 м), иногда они образуют ряды³⁶. Хозяйственные постройки сопровождают отдельные жилища. «Создается впечатление, что мы имеем дело с небольшими дворами, отвечающими нуждам небольшой семьи», — писал один из исследователей житомирских поселений третьей четверти I тысячелетия н. э.³⁷ Но поселения «культуры Корчак» сохраняют и некоторые архаичные черты, в частности расположение поселков группами. Так, в низовьях р. Гнилопяти была исследована группа поселений VII—IX вв., окружавшая языческое святилище и могильник с трупосожжениями. И. П. Русанова, производившая здесь раскопки и широкие обследования, указывает, что лишь в IX в. характер поселений на Житомирщине претерпел изменения, приведшие к «большому объединению населения» и к появлению значительных сел³⁸.

В более южных областях относительно крупные селения начали распространяться, по-видимому, раньше, чем в лесном краю Житомирщины. П. И. Хавлюком были произведены большие раскопки на поселении Семенки на правом берегу Южного Буга. В VI в. там было сравнительно небольшое поселение, насчитывающее до 10 жилищ, по-видимому, образующих две группы. Поселок был сожжен, вероятно, аварами. Возникший на этом месте более поздний (VII—VIII вв.) поселок был в два раза больше предыдущего. Хозяйственные постройки в его пределах перемежались с жилищами, а не занимали отдельного пространства. На Городецком селище VI—VII вв., находящемся на берегу р. Смотрич, правого притока Верхнего Днестра, где также были произведены большие раскопки, жилища располагались разбросанно, двумя неправильными рядами. И такая картина наблюдалась уже в ряде случаев, существенно не отличаась от того, что позволяет выявить планировка поселений последней четверти I тысячелетия н. э., упомянутых в начале статьи.

Нельзя не обратить внимание на значительную неравномерность процесса. В зависимости от различных причин на протяжении I тысячелетия н. э. семейные и общественные порядки в восточнославянской среде менялись далеко не синхронно, в одних местах скорее, в других медленнее. Такая неравномерность наблюдалась еще в зарубинецкое время в последние века до нашей эры. Основная масса населения, как мы видели,

³⁵ И. А. Рафалович. Материальная культура..., стр. 86, 87.

³⁶ И. П. Русанова. Поселение у с. Корчак на р. Тетерева. МИА, 108, 1963, стр. 39 сл.; е е же. Работы в зоне затопления Житомирской ГЭС. КСИА, 104, 1965, стр. 50—53.

³⁷ И. К. Фролов. Поселение Тетерева I (VII—VIII вв.). КСИА, 110, 1967, стр. 30—35.

³⁸ И. П. Русанова. Исследование памятников на р. Гнилопяти. АО — 1965. М., 1966, стр. 142—146.

жила тогда небольшими, по-видимому, родовыми общинами. У передовых племен Среднего Поднепровья, в какой-то мере опосредственно соприкасавшихся с Древним Причерноморьем и даже Средиземноморьем, условия жизни были иными. Совместная жизнь нескольких общин в пределах одного поселения, потребность его обороны, торговые связи с южными соседями — все это не могло не отражаться на характере семейных и общественных порядков, стимулировало их развитие.

Для следующего этапа — второй и отчасти третьей четверти I тысячелетия н. э. — особенно характерным институтом общественных порядков является патриархальная семья-община, иначе большая семья. Она возникла в результате распада родовой общины, также патриархальной, но объединявшей значительное число людей. Большая семья — это группа близких родственников — отец, мать и два-три сына со своими семьями, ведущие совместно свое хозяйство. Несколько больших семей объединяются в более крупную общину, на долю которой достаются лишь некоторые оборонительные, общественные и экономические функции. Была ли это в столь раннее время община, сохраняющая в какой-то мере родственные связи, или община чисто территориальная, или, наконец, какая-то промежуточная форма между ними, решить трудно.

Условия расселения славянских группировок в первой половине I тысячелетия н. э. в более северных областях, по-видимому, серьезно не отразились на их семейных и общественных порядках. Судя по всему, это было постепенное продвижение отдельных общин, а не массовое расселение. Местные обитатели — потомки племен милоградской и юхновской культур — в социально-экономическом отношении были примитивнее расселявшихся славян; контакты с ними не несли с собой ничего принципиально нового. Судя по тому, что на северных землях славяне лишь в первое время жили в укрепленных поселениях-городищах и вскоре, через одно-два поколения, стали сооружать открытые поселки, военная обстановка, связанная с продвижением на север, не была особенно серьезной. В этих условиях можно ожидать не столько прогресса, сколько консервации старых традиций в области производства, культуры и общественных порядков (речь идет о периоде, предшествующем ассимиляции славянами местного населения).

Вероятно, более существенное влияние на жизнь славянского населения во второй четверти I тысячелетия н. э. имели контакты с южными соседями — племенами черняховской культуры, имевшие место, как выясняется, на всем протяжении пограничья от верховьев Днестра и Западного Буга на западе и до поречья Сейма на востоке. Достаточно развитая, в некоторых отношениях явившаяся продуктом ремесла черняховская культура оказывала немалое влияние на близко живущее славянское население, зачастую способствуя превращению его культуры в «получерняховскую». Контакты с южными соседями не могли не отражаться также на общественных и семейных порядках. Но как и в области культуры, влияние этих контактов далеко в глубину славянских земель, по-видимому, не проникало. К сожалению, славяно-черняховским пограничьем никто из археологов специально еще не занимался³⁹.

Серьезное влияние на строй жизни восточнославянского населения не могло не оказать начавшееся после середины I тысячелетия н. э. движение на юг и юго-запад, явившееся одним из заключительных звеньев «великого переселения народов». Появление множества славянских поселений в VI в. н. э. на Среднем Днепре, в бассейне верхнего и среднего течения Южного Буга, в Поднепровье и в Заднепровье свидетельствует о массовых переселениях славянских группировок на многие сотни километ-

³⁹ В Киеве этим вопросом начала заниматься Н. М. Кравченко, ведущая археологические исследования в поречье р. Стугны. См. Н. М. Кравченко. К изучению истории Киевского Поднепровья в I тысячелетии н. э. Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972, стр. 93—94.

ров. Условия далеких переселений не могли не способствовать распаду старых связей и перетасовке людей из разных местностей. В сочинениях раннесредневековых авторов славяне — анты и склавины — выступают как племена с развитыми «военно-демократическими» порядками. Археологические данные этого времени свидетельствуют, как мы видели, о распаде в славянской среде больших патриархальных семей.

В заключение обратимся к вопросу, оставленному без ответа в начале статьи, — к общественным порядкам, выявленным раскопками на Большом Боршевском городище. Роменско-боршевские городища Верхнего Подонья оставлены населением, пришедшим, по-видимому, с севера, с верховьев Десны и Оки. Население это в VIII—X вв. было уже не столько славянским, сколько древнерусским, впитавшим в себя значительный балтийский субстрат⁴⁰. Естественно, что в среде этого северного населения могли долго переживать архаические элементы в общественных отношениях.

Судя по результатам исследований Большого Боршевского городища, так оно в отдельных случаях и было. Как известно, на городище в пределах центральной и восточной частей раскопа оказался тесный комплекс построек, состоящий из нескольких жилищ и примыкающей к ним группы различных хозяйственных сооружений, в том числе большой полуземлянки без печи, служившей помещением для размола зерна. Вероятно, прав И. И. Ляпушкин, говоря, что крытых переходов между жилищами здесь не было. Но налицо относительно крупное хозяйство, принадлежавшее, вероятно всего, большой патриархальной семье-общине. Боршевские курганы, в частности кург. 2, содержащий остатки не менее пяти-семи трупосожжений, также свидетельствуют о переживании архаичных черт общественного устройства⁴¹.

На других верхнедонских городищах патриархальные гнезда такого рода не обнаружены. Не было их и на соседнем Малом Боршевском городище и на селище около Большого Боршевского городища. Очевидно, раскопками на Большом городище у с. Боршева было зафиксировано одно из реликтовых для VIII—X вв. общественных явлений в славянской среде Верхнего Подонья.

P. N. Trétiakov

QUELQUES DONNÉES SUR LES RELATIONS SOCIALES
DANS LE MILIEU DES SLAVES ORIENTAUX AU I MILLÉNAIRE DE N. É.

Résumé

L'auteur part de l'idée du développement successif de la civilisation orientale slave dans le bassin du Dniepr et sur le territoire entre le Dniepr et le Dniestr à partir de la période de Zaroubintsy (fin du I millénaire av. n. è. — début de n. è.), ce qui n'exclut pas de déplacements importants dans le milieu des Slaves orientaux. La culture tcherniakhovienne des III—IV siècles de n. è. est exclue de l'éthnogénèse des Slaves orientaux.

Les villages de la période de Zaroubintsy (leur planification, caractère des habitats, disposition des constructions habitables et des locaux de ménage les uns par rapport aux autres etc.) témoignent de la survivance des rapports de clan. La structure sociale du deuxième quart et du milieu du I millénaire de n. è. a été surtout caractérisée par de grandes familles patriarcales faisant partie des communautés territoriales. Elles sont nettement représentées dans les matériaux provenant du bassin de Desna mais pas exclusivement: on les a décelées également dans le bassin du Boug méridional, le bassin du Dniestr et sur les territoire au-delà de celui-ci jusqu'où les Slaves se sont avancés, le milieu du I millénaire de n. è. révolu. Le troisième quart du premier millénaire de n. è. fut la période où, par-ci un peu plus tôt, par-là un peu plus tard, la petite famille devienne l'unité économique principale dans le cadre de la communauté territoriale ce qui s'est nettement exprimé dans la modification de la planification des villages.

⁴⁰ П. Н. Третьяков. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки. СА, 1969, 4.

⁴¹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948, стр. 11, 19, 79—91.